CONAN
КОНАН
И МЕЧ КОЛДУНА
Северо-Запад

Annotation

Тот-Амон категорически не согласен с Конаном и в последний момент ускользает на драконе. Конан упорно настаивает на своей версии событий.

- Лион Спрэг де Камп, Лин Картер
  - Алая Луна Зимбабве
    - 1. Зеленый ад
    - 2. Черные крыла смерти
    - 3. Пришельцы из далеких времен
    - 4. Башни заповедного города
    - 5. Трон из человеческих черепов
    - 6. Застенки Зимбабве
    - 7. История двух королей
    - 8. Клоака
    - 9. Алая Луна
    - 10. Великий змей
    - 11. Луна, залитая кровью
    - 12. Смерть в ночи

Лион Спрэг де Камп, Лин Картер
Ветры Аквилонии — 3

Алая Луна Зимбабве

1. Зеленый ад

Пуантенский граф Тросеро едва не вывалился из седла, когда его коренастая лошадка поскользнулась в очередной луже. Одной рукой он держал поводья, другой — отмахивался от назойливых москитов, вьющихся роем над его головой. Граф еле слышно чертыхнулся. Позади раздалась отборная ругань, — конь Паллантида, командующего аквилонской армии, ехавший следом, поскользнулся в той же самой луже.

Тросеро с тоской во взоре посмотрел на низкие мрачные тучи. На небе не было ни просвета. С обеих сторон тропы стеною вставали заросли высокого — в два человеческих роста — тростника. Кони уныло месили грязь, то и дело увязая в зловонной жиже. В сезон дождей равнины Зимбабве превращались в сплошное непроходимое болото.

Дожди должны были прекратиться только через две недели. За пару дней солнце высушило бы болото, превратив его в выжженную пустошь, а грязь обратилась бы в плотную как камень корку. Однако все это должно было произойти только через две недели…

— Похоже, скоро дождь пойдет, — сказал Тросеро. Генерал хмуро взглянул на небо.

— Ну у тебя и шутки, граф! — буркнул в ответ генерал. — Он идет уже десять дней кряду. У меня от него уже кольчуга заржавела! Интересно, — сколько же мы будем так идти?

Тросеро улыбнулся.

— Спроси у Конана. Осторожно, — змея!

Через тропу беззвучно ползла огромная, толщиной в ногу, болотная гадюка. Едва она скрылась в зарослях, кони тронулись с места.

— Это треклятое болото у меня вот где уже стоит! — проворчал генерал. Жаль, нет с нами этого старикашки друида! Он бы нас в Старое Зимбабве по воздуху перенес, и мы не месили бы эту грязь своими ногами! Половина коней и верблюдов уже издохла, болотной лихорадкой заболел едва ли не каждый второй. Одного не могу взять в толк, — если мы даже и дойдем до Заповедного Города, то как же мы будем, черт его подери, сражаться?!

Тросеро пожал плечами. Поход длился уже больше месяца. Вначале войско шло вдоль восточных границ Стигии, следуя вверх по Стиксу. Затем река резко повернула на юг и они оказались на равнинах, населенных шемскими кочевниками заугирами, перегонявшими с места на место

огромные стада овец и верблюдов.

Покинув пределы Стигии, войско оказалось меж землями Кешана и Пунта. Пустыня сменилась поросшими буйными травами саваннами; стали появляться и деревья. На юге Пунта берега Стикса обратились в непроходимые топи, и войску пришлось забирать далеко влево, чтобы обойти их. Теперь же они приближались к границам таинственного Зимбабве.

Тросеро то и дело поминал Белого Друида Дивиатрикса, хотя был человеком образованным и в чудеса не верил. Там, в древней стигийской столице, этот старый пропойца смог справиться с доброй сотней магов. Если бы не он, песенка аквилонцев уже была бы спета. Черного Кольца больше не существовало, хотя Тот-Амону и удалось бежать в покрытое непроходимыми джунглями Зимбабве. Граф никак не мог взять в толк, чего ради Конан с таким остервенением преследует стигийца, — маг есть маг и совладать с ним могут только маги…

И все же Конан решил положиться на собственные силы, словно забыв о том, что там, в Непткху, его спасли от смерти Белый Друид и Сердце Ахримана.

Впрочем, Тросеро знал и о том, почему Конан отпустил Дивиатрикса.

Деканаватха, вождь суровых пиктов, погиб в сражении. Преемник же его Сагояга был полон честолюбивых замыслов, — он решил собрать племена пиктов и лигурийцев, дабы захватить западные провинции Аквилонии. Единственным человеком, способным остановить Сагоягу, был Белый Друид.

Дивиатрикс покинул аквилонское воинство еще в Стигии. С собою он захватил и Сердце Ахримана, с тем, чтобы отвезти его в Тарантию и вернуть жрецам великого Митраэума. Конан волшебником не был, и потому талисман этот вряд ли смог бы помочь ему.

Прежде чем покинуть аквилонцев, друид с помощью волшебства смог узнать, где же скрывается Тот-Амон. Северные союзники мага — гиперборейское братство Белой Руки — были уничтожены аквилонцами за год до этого. Восточный Алый Круг со смертью своего правителя Пра-Юна, царствовавшего в легендарном Ангкоре, также распался.

Заповедный Град Зимбабве был единственным местом на Земле, куда мог отправиться Тот-Амон. Городом этим правил страшный Ненаунир, жрец Дамбаллы, под началом которого было три миллиона черных варваров. Туда-то и бежал Тот-Амон. Туда же направлялся и Конан.

2. Черные крыла смерти

Как и предполагал Тросеро, Конан объявил о привале лишь с наступлением сумерек. К счастью, неподалеку от тропы высился зеленый холм, и воинам не пришлось вновь ночевать на болоте. Лагерь решено было разбить на его вершине.

Вскоре на склонах холма уже весело потрескивали костры. Усталые, опухшие от укусов москитов аквилонские воины, чертыхаясь, чистили своих лошадей и пытались высушить у костров раскисшие сапоги. У подножья холма расхаживали дозорные. Отовсюду слышался скрежет и лязг оружия, люди пытались очистить его от ржавчины.

Черный шатер короля стоял на самой вершине. Королевский штандарт свисал с шеста темной сырой тряпкой.

Внутри шатра над чашей с горячей водой стоял Конан, пытавшийся смыть с себя пот и въевшуюся в поры грязь.

Владыке Аквилонии было уже под шестьдесят, однако возраст и известная праздность его нынешней жизни почти не сказались на нем. Время смогло разве что посеребрить его темные волосы и усы, да покрыть морщинами его загорелое обветренное лицо, мышцы же его при этом ничуть не утратили своей былой силы. Пока король вытирал досуха свое тело, пажи накрыли на стол ужин, предназначавшийся для него и принца Конна. Ужин этот состоял из вареного мяса и черствого хлеба. Запасы вина давно уже вышли, и воины, и король утоляли жажду водой из болота. Конан, памятуя о совете старого мудреца Алхемида, заставлял своих воинов пить только кипяченую воду. Воины недовольно ворчали, однако не смели ослушаться своего короля.

Набросив на плечи просторную мантию, Конан отпустил пажей и приступил к трапезе. Бесконечное путешествие по знойным пустыням, непролазным джунглям и бескрайним болотам уже начинало утомлять и его. Впрочем, усталость эта никоим образом не влияла на его решимость раз и навсегда покончить с заклятым своим врагом.

Помимо прочего, в путешествии этом Конан, как ни странно, отдыхал душой, он оставался все тем же бродягой, пиратом, искателем приключений, которого тяготили и утомляли жизнь во дворце и дворцовые увеселения.

В шатер вошел принц Конн. Конан промычал что-то невразумительное и жестом пригласил мальчика к столу.

— Как наши скакуны? — взявшись за следующий кусок мяса, спросил Конан.

— Я их уже почистил, отец. Твой верблюд едва не укусил меня.

— Значит, ты чем-то его обидел. Принц Конн вздохнул.

— Как жаль, что с нами нет вороного Имира.

— Конечно жаль. Но ничего, — когда мы вернемся назад, я его непременно отыщу, пусть даже для этого мне придется прочесать и Коф, и Офир.

Аквилонцы потеряли своих коней у стен Непткху, — дезертиры из кофанского и офирского легионов увели их с собой. Воинам Конана пришлось пересесть на стигийских лошадок и верблюдов; кроме того, несколько десятков верблюдов было куплено у зуагиров.

Конан любовно смотрел на сына, — мальчик походил на него буквально во всем. Он был не только похож на него, но и перенял все его манеры. Конн был уже выше большинства взрослых аквилонцев, хотя отцу своему все еще был по плечо.

Во время зингарской кампании мальчик оставался со своей матерью в Тарантии. Когда же Конан понял, что ему придется идти войной на Стигию, он послал в свою столицу гонцов, что вернулись назад с магическим талисманом, носившим имя «Сердце Ахримана», и с его старшим сыном, принцем Конном.

С тех самых пор Конан не отпускал от себя мальчика ни на шаг, хотя советники и корили его за это, говоря, что тем самым король подвергает неоправданному риску своего наследника. Конан не придавал их словам никакого значения, ибо считал, что будущий король Аквилонии должен вырасти настоящим мужчиной, но никак не изнеженным слюнтяем, способным разве что помыкать другими. Воинскому же искусству следовало учиться именно на поле боя, а не в стенах дворца.

Покончив с трапезой, Конан предложил сыну пройтись. Король хотел увериться в том, что воинству его ничто не угрожает. Он сбросил с себя мантию и надел промасленную кольчугу прямо на голое тело. Надев начищенные до блеска сапоги и кожаную перевязь, Конан вслед за сыном вышел из шатра. Не успели они сделать и пары шагов, как в лагере поднялся невообразимый шум.

Запели трубы, заржали кони, послышался топот сотен ног. Но заглушало все эти звуки странное гудение, доносившееся невесть откуда. Так гудели паруса галеона, когда они наполнялись настоящим ветром, — звук этот был знаком Конану со времени его морских походов с барахскими флибустьерами и зингарскими пиратами.

Над горизонтом, объятым туманной дымкой, уже стоял месяц. На небосводе одна за другой загорались звезды. Прямо же над их головами кружили огромные крылатые тени, похожие на гигантских летучих мышей.

3. Пришельцы из далеких времен

Конан замер от изумления. Лучники, стоявшие рядом с ним, целили в небо. Прямо на них неслось черное чудовище с телом большим как у льва, изогнутой длинной шеей и змеиной головой. Чудище раскрыло пасть усеянную острыми как иглы зубами; глаза его полыхали адским пламенем.

Сложив крылья и выпустив когти, чудище падало прямо на людей. Боссонцы выпустили в него свои стрелы, и крылатая тварь, хрипло закричав, вновь взмыла в небо. Человек, сидевший на ней, упал у самых ног Конана. Это был высокий мускулистый негр. Его набедренная повязка была сделана из обезьяньей шкуры, на плечи был наброшен плащ, сшитый из шкур леопардов. Из груди негра торчала пара боссонских стрел.

— Клянусь кровью Крома, — они смогли приручить этих тварей! — воскликнул пораженный Конан. — Метьте в седоков!

На них летело сразу несколько монстров, и на спине у каждого было по черному седоку. Черные наездники стали метать в аквилонцев копья. Одна из тварей схватила в свои когти насмерть перепуганного коня, но тут же в нее вонзился десяток стрел, и она, выпустив из лап добычу, полетела, тяжело махая крыльями, куда-то в сторону.

Паллантид едва успевал раздавать команды. Часть людей обороняло лагерь, прочие же пытались успокоить обезумевших от страха коней и верблюдов.

Конан неотрывно смотрел на небо. Об этих крылатых тварях ему доводилось слышать и раньше. Они жили еще в ту эпоху, когда землей правили ящеры. Об этих же тварях говорилось и в древних мифах, — там они назывались драконами.

На них, широко расставив свои страшные лапы, неслась еще одна крылатая тварь. Издав боевой крик, Конан неожиданно сбил с ног своего сына и, взявшись за рукоять меча обеими руками, взмахнул им с такой силой, что едва не перерубил шею гнусной твари. Зловонная кровь хлынула из раны рекой. Сбив Конана своим огромным крылом, монстр пролетел еще несколько десятков метров и камнем рухнул прямо в костер, разметав горящие уголья по всему лагерю. Животное забилось в предсмертной агонии, седок же его, едва успев соскочить со змеиной спины, тут же упал наземь, пронзенный десятком стрел.

Поднявшись на ноги, Конан наблюдал за агонией дракона. Так вот откуда берет начало легенда о крылатых воинах Зимбабве! Путники,

побывавшие в этом краю, рассказывали ему и о высоченных башнях заповедного города, что не имели ни дверей, ни окон, с которых воины и слетали, словно птицы.

Жителям Зимбабве как-то удалось приручить этих тварей, что заменили им коней. Черные воины были почти неуязвимы, — разве могли сравниться с ними те, кто был прикован к земле?

Крылатые чудовища одно за другим слетали к земле и тут же вновь взмывали в небо, унося в своих лапах людей и животных. Луна скрылась за горизонтом, и в наступившей тьме драконов не могли поразить даже боссонские лучники.

С именем киммерийского бога на устах король

Аквилонии принял командование на себя. Но не успел он отдать и пары команд, как что-то налетело на него сзади. Драконьи лапы сомкнулись у него на спине и оторвали его от земли.

Удар был столь сильным и неожиданным, что Конан выронил меч из рук. Он попробовал нащупать рукой кинжал, обычно висевший у него на поясе, но тут же вспомнил о том, что тот так и остался на столе в его шатре. В спешке он и не вспомнил о нем.

Конан посмотрел вниз и тут же понял, что теперь ему не помог бы и меч. Он был уже высоко над землей. Оставалось благодарить Крома хотя бы за то, что он не забыл надеть кольчугу.

Снизу раздался хриплый голос Амрика:

— Не стрелять! Не стрелять!

Конан вновь посмотрел вниз, и тут же голова его пошла кругом. Под ним парил дракон, сжимавший в когтях его сына, принца Конна.

— Король! — раздался снизу крик сотен воинов.

Лагерь остался позади, теперь они летели над объятыми тьмой землями. Второй дракон поравнялся с первым, и теперь они летели бок о бок. На спине у крылатого чудовища сидел черный воин в головном уборе из страусиных перьев. Одной рукой он держал поводья, в другой сжимал огромное копье.

Конан перевел взгляд на сына. Заметив это, тот помахал ему рукой. Конан помахал ему в ответ.

Драконы летели все дальше и дальше. Похоже, чудовище, сжимавшее в своих когтях Конана, стало выбиваться из сил, — несколько раз оно пыталось спланировать на землю. Но каждый раз раздавался громкий окрик его седока, и дракон вновь послушно взмывал ввысь.

Конана стало клонить в сон. Разумеется, драконьи лапы были не лучшим местом для отдыха, однако нельзя было сказать и того, что они уж

слишком досаждали киммерийцу. Годы скитаний приучили Конана к тому, что при любых обстоятельствах следует довольствоваться тем, что есть, а не страждать того, что могло бы быть, — подобные терзания приводили бы лишь к ненужной потере сил. Силы еще могли ему пригодиться, судьбу же свою он доверил богам.

4. Башни заповедного города

Конан проснулся от того, что ритм, в котором размахивал своими широкими крыльями дракон, как-то изменился. На востоке уже занималась заря.

Саванны сменились густым тропическим лесом, окутанным лиловыми сумерками. Прямо под ним петляла небольшая речка, поблескивавшая узкой темной ленточкой. За ней виднелись возделанные земли, за ними же вставала громада сказочного города.

Город был обнесен высокой каменной стеной, над которой поднималось с десяток высоких башен странного вида, походивших на огромные печные трубы. Присмотревшись внимательнее, Конан заметил, что у башен этих действительно не было ни окон, ни дверей. Более того, у них не было и крыш, — на их месте зияли черные провалы.

Конану стало как-то не по себе. Когда в руках его был меч, он не боялся никого и ничего. Сверхъестественное же во всех его проявлениях наполняло его душу страхом, ибо противник этот был неуязвим и неизъясним.

За долгие годы скитаний по миру, он прошел его и вдоль, и поперек. Он бывал и в покрытом вечными снегами Асгарде и в черных королевствах, лежавших к югу от Куша, он смотрел на великое Западное Море с пиктских берегов и бродил по просторам легендарного Кхитая. лежавшего далеко на востоке. Лет двадцать тому назад он побывал и в Зимбабве. Тогда он пришел в северную столицу королей-близнецов, чтобы отправиться на север вместе с караваном торговцев. Однако в заповедном Городе или Древнем Зимбабве ему так и не удалось побывать, — иноземцев туда не пускали.

Ни единожды он слышал о Заповедном Городе, затерянном в джунглях где-то на юге страны. Поговаривали, что тамошние жители поклоняются Древнему Змею Сету, именуемому ими Дамбаллой. Черные алтари Дамбаллы были залиты человеческой кровью. Слышал он и о том, что в ночь жертвоприношения луна тоже становилась алой, напитываясь кровью тех, кого приносили в жертву Древнему Змею.

Дракон стал медленно снижаться, описывая широкие круги над городом. Ни один из людей Запада не смог бы сказать, когда же был построен этот город. Вне всяких сомнений строился он много тысяч лет назад, в ту пору, когда, возможно, на Земле еще не было людей. Легенды

говорили о том, что краеугольный камень Древнего Зимбабве был заложен жителями Валузии, полулюдьми-полузмеями, что были детьми Сета, Йига, чернокожего Хана и змеебородого Биатиса, правившего лесами и болотами древнего мира. Великий герой Кулл, положивший начало роду Конана, сокрушил змеиный народ, который вымер окончательно в эпоху Атлантиды и Валузии. С той поры уже минула целая вечность.

Впрочем, сейчас Конана это нисколько не заботило. Он думал о другом, — о том, что он вновь попал в тенета магов. Лучшего обиталища Тот-Амон не мог и придумать, — не случайно он пришел зализывать раны именно сюда.

«Похоже, — подумал Конан, — пришел час решающей битвы».

5. Трон из человеческих черепов

Они стали приближаться к вершине холма, на которой располагались разделенные вымощенной камнем площадью королевский дворец и храм Дамбаллы.

Площадь была взята в кольцо дюжими черными стражами, вооруженными щитами, обтянутыми кожей носорога, и копьями со стальными наконечниками. На их головах покачивались перья страусов, ибисов и фламинго. Поднятый драконовыми крылами ветер грозил сорвать с их голов эти пышные уборы, взвихривая клубы желтоватой пыли.

Крылатые ящеры опустили своих пленников наземь и, повинуясь командам своих седоков, тут же взмыли в небо. Долетев до верхушек двух башен, они скрылись ив виду. Не свода глаз с драконов, Конан поднялся на ноги и помог встать своему сыну. Только теперь он понял, что странные эти башни были стойлами крылатых коней Зимбабве.

Король и принц стояли посередь площади, разглядывая стоявших плотным кольцом черных стражей с бесстрастными лицами, походившими на маски, вырезанные из эбенового дерева.

— Ну что, пес киммерийский, — услышали они насмешливый голос. — Вот мы и снова свиделись.

На Кована смотрели темные, горящие ненавистью глаза еге заклятого врага.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал, — мрачно ответил киммериец.

Тот-Амон стоял возле огромного трона из человеческих черепов, слепленных между собой темной смолой. Стигийский маг выглядел так же грозно, как и прежде, однако пытливые глаза Конана заметили в нём явные признаки старения. Лицо его покрылось густой сетью морщин; складки в уголках рта свидетельствовали не просто об усталости, но о крайнем изнурении. Некогда недвижные кошачьи глаза его теперь лихорадочно поблескивали. Могучее тело мага, скрытое изумрудной мантией, стало дряхлеть, — он стал горбиться, на животе же у него появилось небольшое брюшко.

Неужели силы Тот-Амона стали иссякать? Неужели он лишился той чудовищной энергии, что питала его вот уже много десятилетий? Казалось, что сатанинские силы, которым поклонялся колдун, оставили его после того, как Белый Друид с помощью Сердца Ахримана расправился с

Черным Кольцом. Впрочем, все это можно было объяснить и иначе, — похоже, срок, отпущенный Тот-Амону, уже подходил к концу, — ему пора было расставаться со своею бренной земной оболочкой. Во всяком случае казался он теперь стариком.

— Последняя, говоришь? — вновь раздался зловещий голос стигийца, говорившего по-аквилонски с едва заметным акцентом. — Ну что ж, — я не стану с тобой спорить. После этой встречи в живых останется только один из нас. В том же, что умереть суждено тебе, я нисколько не сомневаюсь. Сказать нам друг другу уже нечего. Я убью тебя и твоего детеныша прямо на этом месте. Армию же твою, лишившуюся командующего, разгромят наши доблестные черные воины. Как видишь, Западу все же суждено пасть. Когда я сяду на аквилонский трон, миром станет править один владыка. И имя этого владыки — Сет! Ну а теперь готовься к смерти.

И тут раздался хриплый, полный возмущения голос.

— Клянусь Дамбаллой, стигиец, — похоже, ты забыл, кто здесь правит!

Конан перевел взгляд на Трон и только теперь заметил, что на нем сидит человек. Это был Ненаунир, верховный колдун Зимбабве, последний союзник Тот-Амона. Мускулистая намащенная маслом черная грудь Ненаунира поблескивала в лучах рассветного солнца. Гяаза его холодно смотрели на людей.

Стигиец заметно смутился и — как показалось Конану — слегка побледнел. Конан почувствовал, что маги меж собой не слишком-то ладят. Теперь, когда черного братства Тот-Амона уже не существовало, коварный стигиец не мог рассчитывать ни на прежнюю роль, ни на былое влияние.

Стигиец смущенно забормотал:

— Конечно, конечно, брат! Главный здесь ты. Но, — но планы-то у нас общие! Когда мы захватим мир, ты станешь править Югом, а я — Западом. Мы разделим мир и поднесем его к ногам отца нашего Сета…

— К ногам Владыки Дамбаллы, чьим пророком и наместником я являюсь! проревел черный колдун. — Помни о своем месте, стигиец. Боги уже отступились от тебя. Твое время ушло, и делить с тобою власть я не намерен. Если ты будешь вести себя хорошо, ты вправе будешь рассчитывать на место управляющего в одной из моих провинций. И помни — ты должен подчиняться мне во всем! Ну а с этим белым демоном я разберусь и сам.

Ненаунир говорил на одном из диалектов шемского языка, принятом у торговцев Юга. Стоило ему замолчать, как черные воины дружно ударили

оземь древками своих копий.

Верховный колдун Зимбабве перевел взгляд на Конана. Аквилонский король стоял, сложив на груди свои могучие руки; рядом с ним, гордо подняв голову, стоял его старший сын.

— Белый пес, — прохрипел черный колдун, — как ты посмел ступить на мою землю? Мы уже встречались с тобой в замке Лахи. Тогда ты смог спастись лишь потому, что Лахи хотела одолеть с твоей помощью стигийца и, тем самым, захватить черный престол. Она просчиталась и погибла от твоей руки. Затем ты лишил сил стигийца, уничтожив его великое братство. Если ты думаешь, что я буду повторять их ошибки, то ты заблуждаешься. Тот-Амон мне не страшен, более того — он мне даже не нужен. Здесь все решаю я. Бежать же отсюда тебе не удастся.

Конан молча смотрел в ледяные глаза черного мага.

— Последняя наша встреча состоится в Ночь Алой Луны, — продолжил Ненаунир. — Когда твоя кровь потечет к подножью алтаря Великого Змея, она напитает, собою луну, душа же твоя исчезнет в пасти великого Дамбаллы!

— И когда же это произойдет? — спокойно спросил Конан.

Ненаунир отвернулся от него и громко позвал:

— Римуш!

— Слушаю вас, Ваше Величество!

Из-за трона выскочил маленький человечек в одеждах астролога. Судя по всему, он был уроженцем Шема.

— Когда наступит Ночь Алой Луны?

— Согласно моим вычислениям она наступит через двенадцать ночей. Ваше Величество!

— Ты все понял, белый пес? Ну а теперь бросьте их в темницу!

6. Застенки Зимбабве

Темницы древнего Зимбабве находились глубоко под землей. Отряд черных воинов вел Конана и мальчика бесконечными коридорами, тускло освещенными чадящими промасленными факелами. Глядя на странную форму сводов и диковинные пропорции подземных переходов, Конан лишний раз убеждался в том, что старые сказания были правдивы, — древний Зимбабве возводился не людьми, — его могло создать только змеиное племя. Подобные строения он видел только дважды: первый раз на зеленых равнинах Куша, второй — на Безымянном Острове, лежавшем в стороне от морских путей, в южной части великого Моря Запада, где не бывали ни купцы, ни пираты.

Камера, предназначавшаяся для них, была сырой и узкой. По черным, разъеденным временем каменьям стекали капли воды. Пол был устелен грязной гнилой соломой. Из-за решетки с громким писком выскочила огромная крыса.

Пленников бросили в камеру, и тут же тяжелая бронзовая решетка захлопнулась, зловеще залязгав запорами. Офицер запер дверь огромным ключом, и вскоре бесшумно ступавшие босые воины исчезли в полумраке.

Стоило стражам удалиться, как Конан принялся ощупывать стены и пробовать на крепость позеленевшие от времени прутья решетки. Окон здесь не было, единственным источником света был факел, горевший в самом конце коридора.

Юный Конн, выбрав местечко посуше, сел на пол. Жажда и голод мучили его, но он старался держаться достойно, пытаясь во всем походить на своего отца. Тринадцатилетний принц больше всего на свете боялся того, что отец заподозрит его в малодушии.

Осмотрев всю камеру и убедившись в том, что

бежать отсюда невозможно, Конан сгреб солому в угол и, позевывая, разлегся рядом с сыном, положив руку ему на плечо.

Помолчав с минуту, Конн спросил:

— Отец, что они с нами сделают? Конан пожал плечами.

— Я знаю лишь о том, что они собираются с нами сделать, — о том же, что произойдет на деле, ведают разве что боги. Не забывай о том, что добрая половина аквилонского войска сейчас направляется сюда. Представляю, как Паллантид их гонит! Пройдет целых двенадцать дней, прежде чем наступит Ночь Алой Луны. За это время произойти может

многое.

Конн прошептал:

— Они хотят принести нас в жертву Сету?

— Да, им этого очень уж хочется, — ответил Конан. — Но эти черные скоты забывают, что это не в их власти, — подобные дела решаются богами или, как утверждают некоторые философы, всемогущей Судьбой, равно повелевающей и богами, и людьми. Что касается меня…

— Что ты хотел сказать, отец?

— Что касается меня, то сейчас я хочу спать, — что-то я прошлой ночью не выспался. — Конан зевнул и улегся поудобнее.

Мальчик вздохнул и улыбнулся. Пока отец был рядом, он чувствовал себя в полной безопасности. Отца его вряд ли можно было назвать оптимистом, — просто он привык не терзаться без надобности. Если обстоятельства складывались так, что он не мог ничего с ними поделать, он как-то приноравливался к ним, дожидаясь более благоприятного их стечения. Не прошло и минуты, как Конан уже мирно похрапывал.

Конн лег рядом с отцом, положив голову ему на плечо. Вскоре заснул и он.

Киммерийца разбудили тяжелые стоны, доносившиеся откуда-то из-за решетки. Он тут же пришел в себя и напрягся словно лесной зверь, внезапно почуявший добычу.

Осторожно убрав голову мальчика со своего плеча, он поднялся и бесшумно подошел к двери. Вновь раздались полные отчаяния стоны. На этот раз от их звука проснулся и Конн. Мальчик лежал, боясь шелохнуться, — он понимал, что вести себя следует тихо.

Прямо напротив них находилась камера, к дальней стене которой был прикован огромный негр. Нагое тело его было покрыто глубокими рубцами, оставленными плетью; широко раскинутые в стороны руки пленника придавали ему вид распятого на кресте.

Негр вновь тяжело застонал, мотая головой из стороны в сторону. В свете факела мелькнули белки его глаз. Насколько мог понять Конан, человек этот был близок к смерти.

— Почему они с тобой это сделали? — тихо спросил киммериец по-шемски и тут же повторил свой вопрос на языке страны Куш.

— Кто это? — раздался в ответ еле слышный голос.

— Такой же пленник, как ты. Я — Конан, король Аквилонии, — ответил киммериец, не видя в обмане никакого смысла.

— Я — Мбега, король Зимбабве, — прозвучало в ответ.

7. История двух королей

Негр был замучен до полусмерти, однако Конану каким-то чудом удалось разговорить его, и тогда тот поведал ему свою историю.

Черные воины Зимбабве, судя по всему, были потомками народа кчака, изгнанного со своих земель соседями и рассеявшегося впоследствии по всему черному континенту. Зимбабвийская ветвь кчака, отправившаяся на восток, обнаружила в джунглях развалины древнего города. Поселение решено было устроить именно здесь. Племена, жившие по соседству, считали эти места проклятыми и потому избегали их. Поселенцы чувствовали себя здесь в полной безопасности и вскоре выстроили на древних развалинах новый город, получивший название Зимбабве.

Единственными их врагами были драконы, прилетавшие сюда с гор, лежавших на Востоке. Отважный вождь народа Зимбабве смог выкрасть из гнездовья этих крылатых ящеров несколько огромных яиц. Оказалось, что драконы легко приручаются, и вскоре они уже заменили зимбабвийцам лошадей. Эти крылатые ящеры позволили племени существенно расширить границы своих владений, — именно тогда и возникло королевство Зимбабве.

У вождя, носившего имя Лубемба, был брат-близнец; отличить братьев друг от друга было совершенно невозможно. Лубемба сподобился откровения, в котором услышал о том, что отныне зимбабвийцами должны править близнецы. Он не мог нарушить волю богов и с той поры правил страной вместе с братом.

Закон этот соблюдался и впоследствии. Если один из пары правителей умирал, второй кончал с собой или навсегда покидал страну. Преемниками их становилась новая пара близнецов, выбиравшаяся жрецами и обычно не связанная кровными узами со своими предшественниками.

Все шло хорошо, пока на трон не взошли Ненаунир и Мбега. Ненаунир сошелся с колдунами, черное братство которых существовало вот уже три тысячи лет. Демон Сет, или Дамбалла, как его называли негры, соблазнил Ненаунира, обещав ему все богатства мира за то, что он, Ненаунир, покончив с культом племенных богов, заставит зимбабвийцев поклоняться Скользящему Богу — Великому Змею Сету.

Страна и народ раскололись надвое: одни сохраняли верность Мбеге и старым богам, другие же приняли сторону Великого Сета и его земного наместника Ненаунира. Большая часть вождей и воинов приняла новую

веру. Вот-вот должна была начаться страшная братоубийственная война. Не желая раздела страны и кровопролития, Мбега отказался от трона в пользу своего брата Ненаунира. Сторонники его стали подвергаться жесточайшим преследованиям, — Ненаунир не щадил никого.

И тогда Мбега с горсткой верных ему людей взбунтовался. Бунт этот был слишком уж запоздалым, — к этому времени силы были явно неравными. Войско Мбеги было разбито наголову, сам же он попал в плен.

Перед Ненауниром встала неразрешимая проблема. Казнить своего брата ему ничего не стоило, но тогда в соответствии с законом ему пришлось бы лишить жизни и себя самого или навеки оставить свои владения. Ненаунир знал о том, что многие зимбабвийцы сочувственно относятся к его брату и свято чтут древние законы, — отступи он от них, они тут же низвергли бы его с трона. Он и так еле держал их в узде, ибо Дамбалла требовал все новых и новых жертв, что вызывало всеобщее недовольство.

Он решил пожизненно заточить Мбегу в темницу и выставлял его на всеобщее обозрение лишь во время дворцовых церемоний. Решение это было мудрым, ибо, сделав Мбегу заложником, Ненаунир покончил и с мятежниками.

Брата своего он люто ненавидел. Во время последнего королевского выхода Мбега должен был публично покаяться и призвать к тому же своих людей. Однако вместо этого он на виду у всех плюнул в лицо Ненауниру. Теперь же его денно и нощно истязали.

Пока жизни Мбеги ничто не угрожало, — Ненаунир был не настолько силен, чтобы нарушить идущие от века законы предков. Искалечить его тоже не могли, ибо, в согласии с теми же законами, короли могли появляться пред своим народом лишь вместе и скрыть это было бы невозможно.

Негр закончил свой рассказ. Глаза его пылали гневом. Теперь он походил на могучего бесстрашного гладиатора.

— Скажи мне, Мбега, — много ли у тебя осталось сторонников? — спросил киммериец. Черный король кивнул.

— Мои люди остались верны мне. От Ненаунира же многие отвернулись, — он слишком жесток, он нарушает законы наших предков, он умерщвляет наших людей на своем поганом капище. Если бы я смог бежать отсюда, за один час я собрал бы такую армию, пред которой не устояли бы и воины Ненаунира. Но что толку болтать языком? Бежать отсюда невозможно…

— Поживем — увидим, — сказал в ответ Конан и загадочно

улыбнулся.

8. Клоака

Паллантид полз по заросшему высокими травами берегу реки. От земли исходило отвратительное зловоние. Извиваясь словно змея, аквилонский генерал пробирался к деревьям, под которыми укрылся граф Тросеро. Услышав шум, пуантенец обернулся. Лицо и седая борода его были перепачканы грязью. По лицу ручьями тек пот.

— На стенах стоят дозорные, — прошептал Тросеро. — У каждой башни по взводу солдат. Так просто их не возьмешь.

Задумчиво покусывая ус, Паллантид стал рассматривать крепостные стены. Осада такой крепости могла занять не один месяц. Нужны были и тараны, и лестницы, и катапульты-Свет солнца внезапно затмился огромной тенью. Генерал замер. Над головой его проплыла одна из тех крылатых тварей, что атаковали их на болоте. С той поры минуло уже десять дней. Дракон стал кружить над городом. На спине его сидел чернокожий воин. Паллантида едва не вытошнило от омерзения.

— Клянусь кровью Дагона! — проворчал он. — Если он с тварями этими смог совладать, то с людьми-то уж как-нибудь справится!

Подлетев к одной из высоких башен, дракон присел на ее край и тут же скрылся из виду.

— Так вот оно в чем дело! — отозвался Паллантид. — Мы должны думать не о них, а о наших короле и принце!

— А ты уверен, что они здесь?

— Клянусь когтями Нергала, — это так же точно, как то, что у меня есть задница! — сердито прошипел генерал. — Ненаунир — единственный союзник Тот-Амона. Ты думаешь почему эти твари утащили именно короля и принца? А-а… Вот то-то и оно!

— Как ты думаешь — живы ли они?

— Пока мы не окажемся за этой стеной, этого мы не узнаем.

Тросеро вздохнул.

— Не знаю как тебе, а мне эти стены кажутся неприступными.

— Для войска — да, но для человека — нет. Тросеро удивленно посмотрел на генерала.

— У тебя что, — есть какой-то план? Генерал почесал бороду.

— Ты помнишь этого зингарского вельможу Мурзио?

— Этого тщедушного прохиндея? Еще бы мне его не помнить!

— Так-то оно так, — прохиндей он конечно изрядный, — но не

забывай и о том, что королю нашему он служит верой и правдой, да и фехтовальщик он отменный! Я и сам понимаю, что никакой он не дворянин, но это дела не меняет. Конан помнит о том, что сделал для него отец Мурзио в ту пору, когда наш король еще был пиратом, и потому он благоволит к нему. Помнишь, года три назад Конан принимал во дворце своего старинного приятеля Нинуса?

— Ты говоришь о монашке? Конечно помню! У короля нашего друзья право слово странные! Этот же будет похлеще всех прочих!

Паллантид усмехнулся.

— Что верно, то верно! Днем он ходил по дворцу важный как патриарх, ночами же таскался по борделям и питейным лавкам! Так знай же, — Нинус и Мурзио воры, каких поискать. Конан решил сделать из Мурзио шпиона и попросил Нинуса о том, чтобы тот научил своего сына всяким там воровским штучкам. В науке этой Мурзио преуспел настолько, что едва ли не превзошел своего учителя. Когда Конан отослал его в Шем, Мурзио как-то смог проведать о заговоре, готовившемся офирским королем и несколькими шемскими царьками. Более того, он смог похитить документы, изобличавшие заговорщиков!

За это Конан даровал ему рыцарское звание. Так что Мурзио благодарен ему теперь по гроб жизни и ради короля своего пойдет на что угодно.

— Ну а теперь объясни мне — какое отношение имеет Мурзио к Старому Зимбабве? Сощурив брови, Паллантид прошептал:

— Одни из ворот этой крепости не охраняются, — я говорю о сточных трубах.

— Сточных трубах?! Да ты никак рехнулся! На кой черт сточные трубы этим варварам?

— Им-то они конечно ни к чему. Но ты забываешь о том, что крепость строилась не ими. Видишь решетку на южной стене? А видишь, что оттуда течет?

— Ты, похоже, прав…

— Думаю, сюда стекают нечистоты со всего Зимбабве. Скорее всего сеть подобных труб проходит подо всем городом. Негры вряд ли додумались бы до этого, — похоже, над системой этой трудились прежние обитатели города. Теперь скажи мне, — кто кроме Мурзио сможет пролезть между этими прутьями? Правильно, — никто. Он же сделает это в два счета.

Тросеро почесал свою позеленевшую от ила бородку и задумчиво произнес:

— Кажется, я начинаю тебя понимать. Он эдаким червем заберется внутрь, перережет охрану и откроет пред нами городские врата. Я тебя правильно понял?

— Ну конечно, граф! Что мне особенно здесь нравится, так это сточные трубы! При одной мысли о том, что этот разборчивый длинноносый зингарец перепачкается в дерьме с ног до головы, у меня голова кругом начинает идти! Уж кого не люблю, так это зингарцев, особенно с той поры, как застал свою жену в объятиях зингарского трубадура! Вернее, бывшую жену-Тросеро ухмыльнулся.

— Ну что ж, тогда вернемся в лагерь и известим благородного Мурзио о том, что волею судеб ему суждено стать спасителем короля!

— Только смотри, — об этом я скажу ему сам!

Через несколько часов, когда стены и башни Зимбабве уже объяли вечерние сумерки, из леса вышел человек. Бесшумно переплыв через реку, он пошел вверх по зловонному ручейку, вытекавшему из трубы. Добравшись до решетки, он на миг замер, но тут же скрылся из виду, исчезнув в трубе.

Трудно было сказать, благородная ли кровь текла в жилах Мурзио, но единожды присягнув на верность королю, он готов был служить ему до самого конца.

9. Алая Луна

Улицы Древнего Зимбабве осветились призрачным лунным светом. Город не спал, ибо настала Ночь Алой Луны. Дождавшись зловещего преображения ночного светила, король Ненаунир должен был приступить к призыванию своего страшного бога, алтарь которого был обагрен кровью сотен жертв.

Факельная процессия шествовала по узким улочкам старого города. Гремели барабаны. Звучали странные песнопения.

Опустив голову, Конан мерил камеру шагами. Принц Конн задумчиво смотрел на своего отца. Он тоже вел счет дням и ночам, проведенным ими в застенке. Стигийское воинство погибло в ночь новолуния. С той поры прошло почти полтора месяца или, если быть точным, сорок один день. Настала ночь полнолуния. Рассчитывать фазы Луны Конна научили его наставники, хорошо понимавшие, что будущему королю знать такие вещи просто необходимо. Отец же говорил ему о том, что лунные затмения могут происходить лишь в такие ночи.

Этой ночью их должны были принести в жертву Дамбалле.

Гром барабанов был слышен даже в камере. Где-то над головами пленников тысячи последователей Ненаунира распаляли себя, готовясь к кровавому действу.

Конан то и дело подходил к решетке, пытаясь разогнуть ее прутья. От напряжения руки его стали дрожать, глаза налились кровью. Эти толстые, дюймовые прутья не смог бы разогнуть и сказочный великан, — строители темницы потрудились на славу.

И тут Конан увидел какую-то тень. Он замер и стал вглядываться во тьму. Прямо перед ним появилось лицо, — знакомое лицо.

— Мурзио, — неужели это ты? — прошептал Конан.

— Конечно я, мой господин, — ответил ему зингарец.

— Именем Крома, — скажи, — откуда ты взялся? Что с нашими людьми? Где они? И почему от тебя так скверно пахнет?

Зингарец устало улыбнулся и рассказал о том, как он попал в подземелье.

— Трубы оказались столь узкими, — печально добавил он, — что мне пришлось ползти по ним. В нескольких местах они заканчивались колодцами, выходящими на городские улицы. Однако оказалось, что все эти колодцы охраняются. Я нашел вас, но не сумел выполнить приказа.

Открыть городские ворота я так и не смог…

Конан на миг задумался.

— Может быть, не все еще потеряно, — наконец сказал он. — У тебя есть отмычка? Сейчас для нас главное — выйти из этой чертовой камеры.

Мурзио вынул из кармана кусок проволоки и принялся возиться с замком. На лбу у него выступили капельки пота. Слышно было только хриплое его дыхание и тихое поскрипывание замка.

Минута проходила за минутой, но замок никак не поддавался. Мурзио растерянно посмотрел на Конана.

— Мой господин! Его не смог бы открыть и сам Нинус! Похоже, он заговорен!

— Наверное, это действительно так, — согласился Конан. — Этот стигийский шакал обычным замкам не доверяет. Слушай, — попробуй-ка открыть соседнюю камеру! Там наш друг.

Мурзио стал колдовать над замком соседней камеры. Прикованный к стене негр бесстрастно наблюдал за происходящим. Неожиданно замок с лязгом открылся. Конан вздохнул с облегчением.

Мурзио вошел в камеру Мбеги и вскоре освободил черного короля от оков. Пошатываясь, Мбега вышел из камеры и стал растирать онемевшие члены.

Мурзио вновь стал биться над замком камеры Конана. Сам же Конан еще раз приложился к решетке, — на этот раз ему помогали Мбега и Конн. Решетка не поддалась и на этот раз.

— Ну у вас и камеры, — вытирая со лба пот, сказал киммериец. — Ну что ж, не можешь исправить — терпи.

— Но ведь тебя ждет смерть, — прохрипел Мбега. Конан усмехнулся,

— Со мной такое не впервой.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Мурзио.

— Дай-ка мне свой кинжал. Эти варвары раздели меня почти донага, а вот сапоги зачем-то оставили. — Конан опустил длинный клинок в правый сапог.

— Ну а теперь помоги выбраться отсюда Мбеге. Впрочем, может он и сам знает, где здесь выход… Мбега, — это твой последний шанс. Твои друзья должны открыть южные ворота до начала жертвоприношения.

Мурзио, — я не знаю, чем для меня закончится эта ночь, но я благодарю тебя. Ты отважный и преданный воин. Если мы доживем до утра, ты станешь бароном Кастрии. Удачи тебе! Пусть Митра и Кром всегда будут рядом с тобой!

Мурзио и Мбега скрылись во тьме. Конан хлопнул Конна по плечу.

— Не вешай носа, сын, — громко сказал он. — Такие, как Мбега, друзей не предают.

Послышалось шарканье босых ног. Наступал решающий час, что мог стать для них последним. Либо свершится месть Тот-Амона, либо падет царство Ненаунира, третьего не дано.

10. Великий змей

Стражники связали пленникам руки и повели их по бесконечным подземным коридорам. Они вышли прямо на городскую площадь, по одну сторону от которой стоял королевский дворец, а по другую — храм Дамбаллы. Серебристый диск полной луны сиял высоко в небе.

Вокруг площади стояли высокие каменные столбы, на которых были начертаны непонятные, неведомые Конану символы. Сказать, кому они принадлежали, зимбабвийским колдунам или их предшественникам, — было невозможно.

Перед храмом Дамбаллы высилась мрачная фигура каменного идола. Он был вырезан из черного базальта и высотою своей не уступал каменным столбам. Огромный черный конус в три человеческих роста высотой изображал свившегося кольцами змея. С вершины его на Конана смотрели красные змеиные глаза, выточенные из огромных рубинов, что поблескивали и переливались в свете факелов.

Конан едва заметно вздрогнул. Сет или Дамбалла с незапамятных времен был олицетворением зла и мрака. Киммериец стал бормотать молитву. Равнодушный киммерийский бог Кром редко вмешивался в дела людей и не требовал от них поклоненья; но теперь, когда на Конана взирали налитые кровью глаза демона Адской Бездны, надеяться ему было больше не на кого.

Алтарь Дамбаллы походил на огромную чашу черного мрамора, стоявшую перед идолом. К чаше этой были прикреплены бронзовые кольца. Конана и Конна завели на ее дно и приковали их так, что они не могли отклониться ни в одну, ни в другую сторону.

Конан оценивающе посмотрел на наручники и цепи, — судя по всему, сделаны они были совсем недавно, — разорвать их было невозможно. Кольцам же, торчавшим из чаши, была уже не одна сотня лет, — они были проедены насквозь.

Заковав пленников, черные жрецы Сета покинули чашу. Установилась полная тишина; лишь ветерок посвистывал меж каменьев. Рубиновые глаза, холодно взиравшие на них, казались живыми.

На противоположной стороне площади стояли король Ненаунир и стигийский маг Тот-Амон. Черный владыка был одет в длинную пурпурную мантию. На лице его была маска змеи. В правой руке, поблескивавшей золотыми браслетами, он сжимал ритуальный посох со

змеиной головой на верхушке.

Тысячи глаз взирали на небо, ни на мгновенье не отрывая глаз от лунного диска. Толпа вдруг дружно ахнула. Взглянув на небо, Конан увидел, что на луну стала ложиться красноватая тень.

Неожиданно забили барабаны. Казалось, что это бьется огромное сердце страшного исполина. Глаза Великого Змея вспыхивали и гасли в такт его ударам. Красноватая тень становилась все больше. Церемония началась.

Конан потянул на себя свою правую руку. Тысячи чернокожих воинов бесстрастно наблюдали за ним. Мышцы его напряглись, однако кольцо никак не поддавалось. Он на мгновенье расслабил руку и тут же резко дернул цепь на себя. Кольцо со звоном лопнуло.

За вторую цепь он схватился уже обеими руками. Собравшись с силами, он резко рванул ее, и второе кольцо покатилось по мраморной чаше. Теперь он был свободен.

Он стал озираться, ожидая, что черные воины нападут на него. Однако они смотрели на него все так же бесстрастно. Конан повернулся к своему сыну. Тень ползла все дальше, теперь ею был объят едва ли не весь лунный диск. Барабаны забили чаще. Забормотали тысячи голосов. Началось заклинание.

Конн вслед за отцом попытался освободить себя от оков, но сил его для этого было явно маловато. Конан бросился помогать сыну и в тот же миг почувствовал ледяное дуновение. Пот на его спине мгновенно заледенел.

Глазам киммерийца предстала странная картина. Часть лунного диска все еще была свободна от тени. Над площадью же происходило что-то немыслимое. С небес на него неслись клубы морозного тумана, сплетавшегося в кольца, уплотнявшиеся с каждым мгновеньем, — на него летел огромный извивающийся змей.

Ужас охватил Конана. Теперь он понимал и то, почему алтарь имел форму чаши, и то, почему жертвы должны были стоять прямо. Его тела коснулось ледяное кольцо вихря.

На Землю низошел сам Дамбалла.

11. Луна, залитая кровью

Не обращая внимания на смертельный холод, киммериец вырвал из мраморной чаши последнее кольцо, приковывавшее к алтарю его сына.

Кольца сходились вкруг него все плотнее. Они обволакивали его члены зыбкой густой пеленою; они сдавливали ему грудь, не давая дышать. Отчаянным усильем Конан заставил себя достать из сапога кинжал, и тут же погрузил его в полупризрачное тело змея.

— Отец! — вскричал Конн, увидевший вдруг демона, вызванного Ненауниром из бездн, лежащих по ту сторону мира.

— Беги, сынок! — едва смог выговорить Конан. — Попытайся открыть ворота!

Вновь и вновь киммериец погружал свой клинок в сгущавшееся тело. Демон же словно не замечал его ударов. Конан зашатался, — на плечи его легла чудовищная тяжесть. Над ним покачивалась огромная голова змея; алые холодные глаза пристально смотрели на него. Во взгляде их было что-то чудовищное, — пред Конаном раскрылись хладные бесконечные пространства, безмерная тоска и ненасытный вселенский голод. Конан содрогнулся. Вот уже миллион лет демон этот боролся с его расой, пытаясь вернуть ее в подвластную ему пучину.

Тело киммерийца начало стынуть. Теперь кольца были уже плотными, и тяжесть их была непомерной даже для него. Онемев, рука его разжалась, и кинжал со звоном упал в мраморную чашу.

Конан не сдавался; но теперь уже не плоть сражалась с плотью, а воля боролась с волей. Мир неожиданно преобразился, — Конану стало казаться, что его воля, душа и разум стали продолжением его тела.

Клинком воли он пытался поразить объявшее его тело тьмы.

Собственного тела он уже не чувствовал, хотя и понимал, что продолжает стоять на ногах. Сердце его билось все реже и реже, кровь в его жилах стыла, однако где-то внутри он был так же силен, как и прежде. Жизнь горела в нем неугасимым пламенем, затушить которое не мог и этот всесильный демон.

Но силен и коварен был Великий Змей. Страх и сомненье были его оружьем. Этим оружьем Дамбулла уничтожал целые народы, обращая героев в изменников, а праведников в подлецов.

Этот ненасытный демон знал о том, что со временем он погубит землю и погасит солнце. Пока же он боролся с человеком. Пред ним,

Пожирателем Миров, не могла устоять ни одна тварь.

Сознание Конана помрачилось, лишь воля к жизни заставляла его бороться с мороком, затягивавшим его все глубже и глубже в пучину, исполненную пустоты. Послышался громкий смех Ненаунира. Конан вздрогнул и ухнул в темную бездну.

12. Смерть в ночи

Внезапно смертельный холод, сжимавший в своих объятиях его тело, отступил. Исчезло и ощущение тяжести. Конан медленно приходил в себя. Он лежал в мраморной чаше, глядя на небо. Площадь была залита серебристым светом луны.

Киммериец попробовал подняться на ноги, но тут же упал. Он был еще слишком слаб. Он поднял голову, и глазам его предстала удивительная картина. В нескольких десятках метров от мраморной чаши лежало тело поверженного Ненаунира. Рядом с ним лежал кинжал Мурзио, которым Конан пытался поразить демона. Здесь же стоял и убийца колдуна, — насмерть перепуганные нефы держали его за руки.

Это был принц Конн, растрепанный и взъерошенный. Мальчик смотрел на своих стражей зверем. Он не послушался своего отца и не покинул площади, — вместо этого, схватив выроненный отцом кинжал, он понесся к торжествующему Ненауниру. Все присутствующие были слишком увлечены борьбой, происходившей в чаше, для того чтобы обращать внимание на мальчишку. Лишь Тот-Амон смотрел на него во все глаза.

Благоразумие боролось в нем с гордыней. Этого мгновенного замешательства стигийского мага было достаточно для того, чтобы Конн вонзил свой кинжал в черное сердце Ненаунира, земного наместника Дамбаллы. Истекая кровью, колдун рухнул наземь. Чары, удерживавшие на земле Дамбаллу, мгновенно распались, и Великий Змей вновь превратился в облачко тумана, выпустив Конана из своих объятий.

Схватившие Конна негры еще не успели решить, что же они должны сделать с убийцей их короля, когда вдруг на площади появилось грозно ревущее огромное воинство, окружившее послушников Дамбаллы со всех сторон. Люди Ненауиира пытались скрыться бегством, но бежать им было уже некуда; они не могли и смешаться с рядами нападавших, ибо их выдавали головные уборы из перьев.

Над площадью запели трубы, Конан заулыбался, — в город вошли аквилонцы. Вскоре белые воины были уже на площади.

С крыши соседнего здания спускался отряд, состоявший из сотни отборных черных воинов. Командовал им сам Мбега. Люди Ненаунира, побросав оружие, пали наземь, моля короля о пощаде. Мбега носился по площади, пытаясь остановить ненужное кровопролитие.

К Конану подбежал его сын, тут же заключивший отца в объятия. Киммериец ласково потрепал его по плечу и, буркнув что-то невразумительное, стал искать взглядом Тот-Амона.

Стигийского мага нигде не было. И тут киммериец услышал хлопанье крыльев. С одной из башен Древнего Зимбабве слетел дракон, на спине которого сидел человек в зеленой мантии. Сделав круг над городом, крылатая тварь полетела на юг. Видел ее один только Конан. Король недоуменно нахмурил брови. Дальше к югу начинались непроходимые тропические леса, за которыми лежало море. Южный берег считался крайней оконечностью мира, — за ним ничего не было. Тот-Амон потерял своего последнего союзника и утратил расположение страшного своего бога. Бежать ему теперь было некуда.

Прежде Конан считал, что последняя его битва с магом состоится именно здесь, в стенах Древнего Зимбабве. Теперь же он понимал, что в последний раз они сойдутся на Краю Света.

Прижав к себе сына, разразившегося вдруг слезами, Конан выбрался из каменной чаши и, улыбаясь, стал ждать, когда к нему подойдут Паллантид и Тросеро.

Бои закончились еще до рассвета. Конан собственноручно одел на голову Мбеги королевскую корону и объявил его единственным законным правителем Зимбабве. Армии предстоял недолгий отдых, — она должна была собраться с силами для нового похода.

Конан широко улыбнулся, чувствуя, как к нему возвращаются былые силы. Видит Кром, — лучше жизни на свете ничего нет!